





DANIEL
ABRAHAM

THE DRAGON'S
PATH





Дэниел АБРАХАМ

ПУТЬ ДРАКОНА



Издательство АСТ
Москва



УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

A16

Серия «Мастера фэнтези»

Daniel Abraham

THE DAGGER AND THE COIN

THE DRAGON'S PATH

(Book 1)

Перевод И. Майгуровой

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Абрахам, Дэниел.

A16 Путь дракона: [фантастический роман] / Дэниел Абрахам;
[пер. с англ. И. Майгуровой]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 480 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-083437-2

Мир, удивительно похожий на наш...

Здесь воюют маленькие королевства, процветают вольные города, правят могущественные банкирские дома, плетутся изощренные политические и дипломатические интриги. Здесь судьбой предопределено встретиться людям, которые рано или поздно изменят ход времени.

Гедер — единственный наследник благородного рода, книгочей и философ. Его снова и снова пытаются сделать пешкой в чужой опасной игре...

Китрин — «сирота из хорошей семьи» на попечении банкирского дома. Ее готовят на роль финансовой королевы, не посвящая в семейные тайны.

Маркус — циничный и усталый воин, чьи подвиги остались в прошлом. Наемник, готовый за золото пойти хоть на всадников Апокалипсиса. Теперь его отряд втягивают в необычную партию...

Фигуры расставлены на доске.

Игра начинается.

Кому предстоит сделать ход конем?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Daniel Abraham, 2011

© Перевод. И. Майгурова, 2015

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается Скарлет

1. Столлборн
2. Ласпорт
3. Дзун
4. Кирин
5. Упурт-Марион
6. Сара-сю-Мар
7. Порте-Силена
8. Порте-Олива
9. Карс
10. Водфорд
11. Градис
12. Элис
13. Ванайи
14. Ньюпорт
15. Гилея
16. Орсен
17. Беллин
18. Маччия
19. Кемниполь
20. Севенполь
21. Кавинполь
22. Аннинпорт
23. Эстинпорт
24. Калтфель
25. Асинпорт
26. Нус
27. Инентайи
28. Киария
29. Суддапал
30. Руккьюпал
31. Такинпал
32. Лоди
33. Тауэндак
34. Бехур-Дан
35. Маларска
36. Корт





Пролог

Отступник

Отступник вжался в тень скалы, молясь об одном: чтобы нелюди внизу не подняли глаз. Ладони горели, ноги и спину сводило от усталости. Тонкая ткань церемониальных одежд льнула к коже под стылым, пахнущим пылью ветром. Он набрался духу и глянул вниз, в расселину.

Пять мулов давно замерли на тропе, однако жрецы не торопились слезать. У каждого поверх теплых добротных одеяний поблескивал на спине древний меч, отбрасывающий в утренних лучах ядовито-зеленые блики. Выкованные некогда драконами, клинки несли смерть любому — достаточно лишь царапины на коже. Со временем яд убьет и самих меченосцев. Отступник усмехнулся: потому-то его бывшие братья и спешат его убить, лишь бы вернуться поскорее. Мечи — не для долгого ношения, их обнажают или в жестокой крайности, или в приступе смертельного гнева.

Что ж. По крайней мере его принимают всерьез.

Главный из жрецов поднялся на стремянах, сощурил глаза от яркого солнца.

— Не прячься, сын мой! — Отступник узнал голос. — Выхода нет!

Сердце дрогнуло. Отступник чуть было не шагнул вперед, но вовремя сдержался.

«Вероятно, — напомнил он себе. — Выхода, вероятно, нет. А может, и есть».

Внизу, на тропе, фигуры в темных одеждах колыхнулись, о чем-то заговорили. Отступник не слышал слов. Занемевшее тело холодело все больше: ни дать ни взять труп, которому почему-то забыли даровать милостивую смерть. Разговор тянулся целую вечность, добрых полдня, — хотя солнце, висящее в безупречной синеве, и не думало сходить с места. Выдох, следующий вдох — и мулы тронулись в путь.

Отступник не смел двинуться, чтобы не зашелестел по обрыву случайный камешек. Жрецы, бывшие когда-то людьми, медленно повели мулов к краю долины, затем свернули к югу по широкому извию дороги. Отступник, проводив их взглядом, изумленно выпрямился и упер руки в бока. Он жив! Его не нашли! Даже и не знали, где искать!

Значит, все учение, которому он до недавних пор так свято верил, — ложь. Дары паучьей богини не открывают истину. Да, они дают адептам иные способности, но не наделяют знанием правды. Отступнику все больше казалось, будто в некий миг вся его жизнь соскользнула с паутины умело сплетенного обмана, на которой держалась прежде, однако он не чувствовал ни растерянности, ни оторопи — лишь облегчение, будто вышел из склепа на вольный воздух. Он вдруг понял, что улыбается.

Последующий подъем на западный склон измотал его до нельзя. Сандалии оскальзывались, пальцы едва находили опору. И все же, когда солнце добралось до зенита, он уже стоял на вершине. К западу одна за другой теснились горы, над ними гигантскими башнями вздымались облака, кое-где подернутые серой грозовой завесой. Чем дальше, тем ниже становились холмы: склоны переходили в равнины, из-за дальности казавшиеся серо-голубыми. Резкий вершинный ветер цапал лицо, как когтями; на горизонте сверкнула молния. Словно в ответ, крикнул ястреб.

Теперь отступнику предстояли недели пути. В одиночку, пешком, без запаса пищи и, главное, воды. Последние пять

ночей он спал в пещерах и в зарослях кустарника. Его бывшие друзья и братья — те, кого он знал и любил всю жизнь, — сейчас прочесывали окрестные тропы и обыскивали селения, чтобы его убить. В высокогорьях жаждали добычи горные львы и волки.

Отступник провел рукой по густым жестким волосам, вздохнул и шагнул вперед, вниз по склону. Вероятно, смерть настигнет его раньше, чем он дойдет до Кешета и отыщет город, в котором можно затеряться.

Вероятно. Всего лишь *вероятно*.

Под тускнеющими лучами закатного солнца он нашел скальный выступ, нависший над ручейком. Шнурок от правой сандалии пошел на грубый лук для розжига огня, и когда с неба повеяло холодом, отступник уже сидел у обложенного высокими камнями костерка. Сухой хворост не дымил и давал надежное тепло, но быстро прогорал, и отступник, поддерживая огонь, приладилсЯ добавлять прутья медленно, один за другим — чтобы костер не разгорелся слишком сильно и не выдал его убежища преследователям. Тепла едва хватало, чтобы согреть руки.

Издали донесся рык, который отступник предпочел не заметить. Обессиленное тело болело от напряжения, зато мозг, отвлекшийся наконец от тягот пути, работал с поразительной скоростью. В густой тьме обострилась память, первый восторг свободы сменился тоской, одиночеством, растерянностью — куда более опасными, чем голодный лев.

Отступник был рожден среди таких же гор; в играх его детства палка и витые пряди древесной коры исполняли роль меча и плети. В те годы он, должно быть, грезил о сокрытом храме, жаждал вступить в монашеское братство — сейчас, пронизанный холодом под ненадежным скальным кровом, он едва этому верил. В памяти брезжил лишь священный трепет, с которым он глядел снизу вверх на каменную стену, на изваянные в камне фигуры стражей из всех тринадцати рас человечества. Черты

их стерлись под ветрами и ливнями: цинна и тралгут, южнец и первокровный, тимзин, йеммут, утопленец — все они взирали на мир одинаково пустыми лицами, сжав одинаковые кулаки. Отчетливо сохранился лишь вознесенный над ними дракон с простертыми крыльями и кинжально-острыми зубами, да еще ясно выступали на огромных железных воротах старинные буквы, сложенные в слова на незнакомом селянам наречии.

Уже послушником он узнал, что надпись гласила «УЗЫ И ВОЛЯ». Он даже когда-то верил, что понимает смысл.

Легкий ветерок оживил вспыхнувшие светлячками угли. Пылинка золы попала отступнику под веко, он потер глаз запястьем. В крови что-то изменилось, токи тела отозвались на некую незримую силу — прежде он назвал бы это присутствием богини. В давний миг, подойдя к железным воротам с другими деревенскими мальчишками, он пожертвовал собой — собственным телом, всей жизнью. А взамен...

Взамен он получил откровения. Поначалу лишь самые простые — буквы, чтобы читать священные книги, и цифры, чтобы вести храмовые записи. Он прочел сказания об империи драконов и ее крахе. О паучьей богине, несущей в мир справедливость.

«Богиню невозможно обмануть», — говорили ему.

Он, конечно, пробовал. Верил наставникам и все же пробовал им лгать — ради проверки. Выбирал то, чего жрецы не знали: имя отцовского клана, любимое лакомство сестры, сокровенные сны... За каждую ложь ему доставался удар плетью, за правду — ничего. Наставники ни разу не ошиблись. И он поверил. Уверовал. И позднее, возведенный верховным жрецом в звание послушника, уже не сомневался в собственной великой будущности — ведь о ней толковали ему жрецы.

После жестоких посвятительных испытаний юный послушник ощутил в крови силу паучьей богини. Первую же услышанную ложь он с удивлением опознал прежде неведомым чутьем; первые же его слова, в которых зазвучал голос богини, пылали убежденностью и заставляли верить.

Впрочем, теперь он лишен благодати, и все прежние знания могут оказаться неверными. Неизвестно даже, есть ли такая страна — Кешет. Он надеялся, что есть, и рисковал сейчас жизнью, чтобы до нее добраться. Может, карта была фальшивой. Может, и драконы, и империя, и великая война — все выдумка. Океана он тоже никогда не видел: вдруг и рассказы об океане небылица?.. И если верить лишь в то, что сам видел и ощущал, то он не знает ничего. Ровно ничего.

В нахлынувшей ярости отступник впился зубами в ладонь — закапала кровь. Он сдвинул пальцы пригоршней: кровь, в тусклых отсветах костра почти черная, пестрела более темными узелками. Один из них вдруг расправил тонкие ножки — и паучок принялся бездумно вскарабкиваться по краю ладони, за ним увязался другой. Служители богини, в которую отступник больше не верил... Медленно перевернув ладонь над тлеющим костром, он следил, как крайний паук, сорвавшись в огонь, съеживается от жара.

— Что ж, — прошептал отступник. — По крайней мере я знаю, что вы смертны.

Горы тянулись бесконечно. Каждый перевал таил угрозу, в долинах подстерегали опасности. Разбросанные на пути деревеньки отступник обходил стороной и лишь изредка подбирался к каменным цистернам за глотком воды; пищей ему служили ящерицы да светлые орехи, вылущенные из хвойных шишек. От троп, где оставили след широкие когтистые лапы, приходилось держаться подальше. Как-то вечером он набрел на круглое пространство, огражденное колоннами, и решил было передохнуть и набраться сил, однако во сне его преследовали кошмары настолько странные и жуткие, что пришлось поскорее убраться.

Он исхудал, плетеный кожаный пояс болтался чуть ли не на бедрах; подошвы сандалий истерлись, лук для розжига огня пришел в негодность. Время потеряло смысл, дни тянулись бесконечно. Каждое утро он повторял себе: «Вероятно, сегодня последний день моей жизни. Вероятно».

Это «вероятно» его и спасало. Однажды на рассвете отступник взобрался на очередной каменистый холм — и увидел, что горы кончились. Внизу, на западе, лежали широкие равнины, среди лугов и лесов вилась сияющая лента реки. Долина манила обманчивой близостью, однако отступник знал, что идти еще дня два, не меньше. И все же, опустившись на грубый приземистый валун, он дал волю слезам и просидел так почти до полудня.

Чем ближе к реке, тем сильнее нарастало в груди дремавшее прежде беспокойство. Много недель назад, когда он тайком перескочил через храмовую стену и пустился в бега, мысль затеряться в большом городе казалась простой, а перспектива — далекой. Зато теперь, когда звериных следов на тропах становилось все меньше, а за деревьями впереди уже виднелся дым от сотни очагов, отступник вдруг осознал, что выйти на люди как есть — грязным, в пыльных лохмотьях и рваных сандалиях — будет испытанием не меньшим, чем все тяготы пути. Как встретят в Кешете дикаря с гор? Сразу ли убьют?

Огромный город — таких он прежде и не видывал — пришелец обогнул по излучине реки, удивляясь мощным дорогам и многолюдности: длинные деревянные дома с соломенными крышами вмещали не иначе как тысячу человек каждый. Притаившись в зарослях, как вор, он принялся наблюдать.

На окраине, где между рекой и дорогой виднелся последний городской дом, отступник заметил йеммутскую женщину: высотой в полтора человеческих роста и с плечами не уже буйволовых, она возилась в огороде. Длинные бивни торчали из челюсти так, что любая попытка засмеяться грозила чуть ли не продырявить ей щеки, грудь высоко колыхалась над крестьянским кушаком — похожим на те, что носили его сестра и мать, только на йеммутский пошло втрое больше кожи и полотна.

Отступник, в жизни видевший только людей из расы первовокровных, изумленно следил из-за ветвей, как йеммутка наклоняется к мягкой земле и выдергивает гигантскими пальцами сорняки. Он дивился ей как чуду, явленному ему в сви-

детельство того, что тринадцать рас человечества вправду существуют.

Не дав себе времени передумать, он шагнул вперед. Йеммутка резко подняла голову, ноздри угрожающе дрогнули.

— Прости! — Отступник выставил ладонь, словно оправдываясь. — Я... Мне нужна помощь.

Глаза женщины сузились в щелочки; она пригнулась, как пантера перед нападением. Отступник запоздало сообразил, что надо было сперва выяснить, понимает ли она его язык.

— Я пришел из-за гор. — Он удивился ноткам отчаяния в собственном голосе, однако почуял и кое-что иное: неслышимый гул в крови, дар паучьей богини — повеление женщине верить его речам.

— Мы не торгуем с первокровными! — рявкнула йеммутка. — И уж точно не с теми, кто явился из-за проклятых гор. Прочь отсюда! С отрядом вместе!

— У меня нет отряда, я один. — Существа, живущие в его крови, вострепнулись от удовольствия: им вновь нашлось дело! Краденое волшебство действовало по-прежнему, внушая женщине веру в его слова. — Со мной никого нет, я безоружен. Я шел пешком много недель. Могу помочь по хозяйству, если надо. За еду и теплый угол на ночь. Только на ночь.

— Один, значит, и не вооружен. Из-за гор?

— Да.

Йеммутка хмыкнула, и отступник понял, что его оценивают. Взвешивают.

— Ты дурак, — наконец отозвалась она.

— Да. Впрочем, мирный и безобидный.

Повисло долгое молчание — и женщина наконец рассмеялась.

Она велела ему натаскать в бак речной воды, а сама вернулась к огороду. Ведро, сделанное по йеммутской руке, отступник наполнял лишь до середины — иначе не поднять — и терпеливо сновал между домиком и грубым дощатым настилом, стараясь уберечься если не от ссадин, то хотя бы от царапин: